

Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии

Алексей Владимирович Куприянов, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: a.kupriyanov@imemo.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи формирования индийского внешнеполитического дискурса, макроисторических процессов, повлиявших на генезис индийских политических элит, и развития исторического знания о регионе Индийского океана. Цель статьи – выяснить, что определило специфику восприятия индийскими элитами места Индии в регионе и как оно трансформировалось в рамках внешнеполитического дискурса. Кроме того, исследуется вопрос о роли историков, занимавшихся изучением региона Индийского океана. Автор приходит к выводу, согласно которому представления элит сформировались главным образом под влиянием изменений в общемировом политическом дискурсе после Первой мировой войны, благодаря которым в Европе и в Азии утвердилось мнение о безальтернативности государства-нации, развивающегося с опорой на собственную тяжелую промышленность. Почти с самого начала существования независимой Индии ее политические элиты, бывшие отчасти продуктом британского либо британизированного воспитания и образования, отрицали преемственность, существовавшую между новым индийским государством и Британским Раджем и владениями Ост-Индской компании, и пытались выстроить историческую преемственность с политиями, существовавшими в добританские времена. Помощь в этом им оказывали индийские и зарубежные историки. Автор демонстрирует, как индийские элиты использовали в своих целях открытия ученых, концептуализируя подходящие сюжеты и отбрасывая остальные, и как сообщество историков постепенно превращалось в часть машины по производству дискурса. Если в период правления Джавахарлала Неру и Индиры Ганди основное внимание уделялось Империи Великих Моголов как последней добританской индийской империи, то с приходом к власти Бхаратия Джаната парти поощряются исследования, посвященные индуистским политиям и персоналиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индия, история, политические элиты, Алигархская школа, постколониализм

В большинстве работ, посвященных индийской внешней политике, стартовой точкой является полночь 15 августа 1947 г. – тот момент, когда первый премьер-министр независимой Индии Д. Неру поднял знамя нового государства над Красным фортом в Нью-Дели. Причем львиная доля исследователей политики нерувианского периода фокусируется на событиях, предшествовавших Бандунгской конференции 1955 г., а также на самой конференции и ее последствиях, в первую очередь – формировании Движения неприсоединения и вкладе Дж. Неру в теорию и практику международных отношений как идеалиста и борца за дело мира¹.

Такая ситуация объяснима: политические элиты Индии и индийское экспертное сообщество, а также ученые, работавшие над проблемами истории Индии, склонны были рассматривать колониальное прошлое исключительно негативно. В индийском национальном мифе, который начал формироваться в среде интеллектуалов еще в годы борьбы за независимость, британское владычество рассматривалось как тормоз на пути развития страны: иноземные завоеватели, захватившие власть над Индостаном, превратили его в экономический придаток империи, в топливо, которым питался Левиафан британского империализма. Индийский научно-общественный дискурс середины столетия благоприятствовал такому отношению к недавнему прошлому. Во-первых, тема британского колониального наследия воспринималась болезненно на фоне раздела Британской Индии и сопровождавших этот процесс масштабных кровавых эксцессов; во-вторых, из-за необходимости выделить реперные точки в процессе национального развития и дать им однозначное толкование, что требовалось для формирования национального мифа.

В результате было негласно решено, что Индия наследует всем периодам и всем политиям в своей истории, но британскому периоду меньше прочих. В этот момент национальный миф вошел в очевидное противоречие с реальностью: новые индийские элиты были порождением Британского Раджа, многие из их представителей получили хорошее британское образование, и даже их антибританские настроения и индийский патриотизм выражались через формы и лексику, заимствованные из британской культуры. При этом эпоха британского владычества воспринималась ими как время, когда Индия потеряла субъектность и, как следствие, не могла проводить в полной мере национальную политику.

Зарубежные исследователи работали в аналогичной парадигме. Так, советским ученым трактовка колониального периода как аномалии, искажившей естественный ход истории, позволяла обосновать теоретическую возможность строительства общества социалистического типа в постколониальных государствах, а исследования генезиса индийских элит представлялись политически нецелесообразными в условиях, когда Индия и СССР сближались все больше и в 1971 г. подписали договор о дружбе и сотрудничестве. Среди других зарубежных исследователей сформировалось представление об Индии как об «утраченной цивилизации», разрушенной колониальными завоеваниями. Хотя в целом исследования Индии в рамках общего анализа колониальных практик Британской

1 См. например: Range 1961; Das 1961; Мировоззрение 1973; Krasa 1990; Schöttli 2012.

империи никогда не прекращались, куда большей известностью пользовались книги о доколониальных временах, в целом соответствующие индийскому подходу. Классическим примером такой работы стала монография британского индолога А.Л. Бэшема «Чудо, которым была Индия»¹: само ее название предполагало, что чудо закончилось и покончили с ним именно британцы.

Эта парадигма начала меняться сравнительно недавно: в первом десятилетии XXI в. сформировалось направление исследований, акцентировавшее внимание не просто на имперском прошлом, но на Индии как на субимперии в составе Британской империи. Поборники такого подхода (в первую очередь Т. Меткалф² и Дж. Онли³) указывают на двоякость роли Индии во времена Британского Раджа: индийцы были не только колонизируемыми, но и колонизаторами, действуя как агенты Британии в регионе Индийского океана. Этот «субимперский поворот» совпал со всплеском интереса в индийском обществе к теме элит – экономических, политических, военных. Выход целого ряда работ по данной теме⁴, наиболее заметной из которых стала книга С. Бару «Индийская властвующая элита: класс, каста и культурная революция»⁵, привлек внимание индийцев к проблеме дистанцирования правящей элиты от остального общества и причинах этого дистанцирования, что, в свою очередь, потребовало анализа генезиса индийских элит.

Его объяснение через результаты исследований субимперии Раджа позволяет пролить свет на ряд трендов в политическом развитии независимой Индии. Для этого применен подход, позволяющий совместить исторический, политологический и социологический инструментарий и находящийся в общем русле постколониальных исследований: историческая социология международных отношений, дополненная методологией теории элит. При этом социальные процессы анализируются как через историческую призму (путем исследования исторических процессов и национального мифа, используемого не только для того, чтобы «репрезентовать себя в истории»⁶, но и чтобы «инкорпорировать происходившие в прошлом взаимодействия с соседними политиями в свои национальные истории»⁷), так и через призму критической историографии. Последнее предполагает анализ накопления научного знания и развития концепций, которые оказывают влияние на представления экспертного сообщества и элит. В Индии – с ее повышенным вниманием к культурно-философским и историческим основам национального мифа, наличием «вращающихся дверей» между научным и экспертным сообществами и политическими элитами, большой ролью личных связей – научное сообщество играет важную политическую роль.

Данная статья посвящена изучению влияния наследия Британского Раджа на генезис индийских элит в контексте макроисторических процессов, места Британского Раджа в индийском историческом мифе, формируемом этими элитами

1 Basham 1954.

2 Metcalf 2007.

3 Onley 2005; 2007; 2009.

4 Damoradan 2008; Kidwai 2011; Moro 2015; Joseph 2016; Mukherjee 2020; Joseph 2021.

5 Baru 2021.

6 Duara 1995, 4.

7 Sen 2017, 17.

и обслуживающим их экспертным сообществом, и роли исторических исследований в формировании этого мифа и политических концепций на примере работ по истории Британского Раджа. Автор не ставит целью дать ответы на весь спектр вопросов, возникающих в рамках изучения этих процессов; настоящая статья – это скорее первый подход к теме, до того привлекавшей сравнительно мало внимания отечественных и зарубежных ученых.

Первая часть посвящена описанию макроисторического процесса формирования индоцентричной системы региона Индийского океана в XIX в., ее трансформации после Первой мировой войны и влияния этих процессов на восприятие мира индийскими политическими элитами. Вторая – изменению взглядов элит под влиянием как политических процессов в регионе в 1970–1980-х гг., так и роли научного сообщества. В третьей части рассмотрена трансформация индийского научно-политического дискурса с 1991 г. по настоящее время.

Потерянный Радж

Традиционно начало европейского колониального господства в регионе Индийского океана датируется концом XV в. Считается, что экспедиция Васко да Гамы ознаменовала новый этап в истории региона, связанный с утратой суверенитета местными политиями, доминированием европейских акторов и последующим подчинением и угнетением народов региона¹.

Однако работы последних десятилетий демонстрируют, что взаимодействие между европейскими и местными акторами было на первом этапе далеко от состояния западного доминирования, которое рисовали ранние исследователи. Европейцы вплоть до середины XVIII в. действовали здесь в роли «империй слабых»², по возможности не вступая в конфликт с местными игроками, а пытаясь встроиться в уже сложившуюся систему политических и торговых связей. Приносившая огромную прибыль европейским купцам торговля с Азией могла вестись только до тех пор, пока в ней были заинтересованы азиатские власти. В случае если торговля становилась экономически или политически невыгодной, они могли легко прекратить ее либо просто уничтожить европейские фактории. Существовавшие технологии не позволяли западным державам перебрасывать и поддерживать в столь далеких регионах сухопутные и морские контингенты, достаточно мощные для того, чтобы на равных сражаться с армиями местных крупных политий и принудить азиатских акторов к миру или хотя бы защитить свои торговые пункты. Попытки такого рода заканчивались, как правило, плачевно. Например, в англо-могольской войне 1686–1690 гг. Британская Ост-Индская компания и стоявшая за ней Англия потерпели сокрушительное поражение от армии и флота Империи Великих Моголов и вынуждены были выплачивать унижительную дань.

Ситуация начала меняться только в середине XVIII в., когда крупнейшие региональные державы – Империя Великих Моголов и сефевидская Персия – в результате внутренних процессов и давления со стороны местных соперников

1 См., например: Panikkar 1954.

2 Phillips, Sharman 2015; Sharman 2020.

пришли в упадок. Битва при Плесси (1757), в которой войска Ост-Индской компании нанесли поражение армии бенгальского наваба Сирадж уд-Даула, союзного французам, продемонстрировала, что благодаря эволюции военного дела европейские державы далеко опередили азиатские «пороховые империи», а развитие кораблестроения и навигации позволило организовать надежный маршрут доставки подкреплений и припасов в Индию. В течение последующего столетия британцы в результате серии последовательных кампаний захватили всю территорию Индостана и ряд прилегающих районов, превратив тем самым Индию в базу для последующих завоеваний.

Эта роль Индии и в англоязычной, и в отечественной литературе до недавнего времени освещалась явно недостаточно. В общественно-политическом и отчасти научном дискурсе сформировалась, как отмечалось выше, примитивная, неполная, но удобная для политических целей картина. Индия представлялась в ней как колония, беспощадно эксплуатировавшаяся Британской империей, полностью лишенная субъектности и встроена в имперскую экономику на правах источника ресурсов. Некоторая разница наблюдалась лишь в оценке роли буржуазии: если индийские исследователи относились к ней в целом позитивно, то отечественные активно критиковали.

Подобная упрощенная картина слабо отражала сложную систему взаимоотношений как между метрополией и Индией, так и между Индией и другими британскими владениями в регионе, не говоря уже об отношениях Индии с державами, не входившими в британскую сферу влияния. Эта система имела многоуровневую структуру: британские и местные элиты – от аристократических до торговых и интеллектуальных – находились в ней в сложном симбиозе. Индия была не просто колонией, но центром субимперии, имела собственное ведомство, занимавшееся иностранными делами, и проводила в регионе политику, не всегда совпадавшую с интересами Лондона. Амбиции индийских политических элит, британских по происхождению, но воспринимавших мир через призму интересов Британского Раджа, которым они управляли, реализовывались через сеть агентств и консульств, в рамках которой отношения с независимыми и полунезависимыми политиями региона строились по образцу тех, которые существовали между Раджем и туземными княжествами.

Помимо этого, Индия оставалась центром притяжения политической и экономической жизни региона и служила тем резервуаром, откуда британцы черпали ресурсы для дальнейшей экспансии. Индийские рабочие, нанятые по системе индентуры, заменили рабов на плантациях колоний Британии и других европейских держав, индийские солдаты-сипаи участвовали в военных кампаниях, завоевывая для империи новые земли, индийские полицейские поддерживали там порядок, а индийские администраторы местного или британского происхождения управляли этими новыми колониями. Индия была тем оселком, на котором колонизаторы оттачивали теории и практики управления, затем распространяя их по всей империи.

Таким образом, Индия представляла собой одновременно и колонизируемый регион, и колонизирующую силу. И индийцы, верно служившие британцам в сипайских полках и на гражданской службе, и оппозиционно настроенные представители интеллигенции разделяли представление об Индии как

о ключевой силе в регионе, которая в определенный момент оказалась под контролем другой великой державы. И если изначально эта «империя Раджа» стремилась распространить свое влияние на весь регион, то впоследствии стало заметно отчетливое тяготение к его западной части – к Восточной Африке и побережью Залива. Восточное направление экспансии, связанное в XIX в. с феноменом опиумной торговли с Китаем (в 1786 г. под контроль Ост-Индской компании перешел Пенанг, в 1819 г. – Сингапур, в 1825 г. – Малайя), вскоре после создания Британского Раджа и снижения объемов торговли опиумом в связи с началом собственного производства опиума в Китае пришло в относительный упадок, и в 1867 г. эти территории, объединенные в резидентство Стрейт-Сетльментс, были изъяты из управления Британской Индии, став отдельной коронной колонией.

Такая система могла существовать только в условиях свободной торговли и перемещения людских масс через границу. Эрозия этой системы началась еще до Первой мировой войны; после ее окончания индоцентричная региональная система быстро развалилась. Британские доминионы обзаводились собственными паспортными системами, вводили ограничения на въезд граждан других внутриимперских политий (в первую очередь индийцев), а мятежи и проявления недовольства в рядах индийских частей в годы войны привели к постепенному сокращению практики отправки индийских частей в другие колонии и доминионы. Отмена индентуры в 1917 г. означала прекращение массовой миграции индийцев за границу.

Провальная попытка властей Раджа получить контроль над Ираком и бывшей Германской Восточной Африкой продемонстрировала пределы экспансии Британской Индии. Это было вызвано как неудачами индийского командования в годы войны (например, руководство изначально находившейся в ведении индийских военных и гражданских чиновников кампанией в Месопотамии после неудачи под Кутом было передано под контроль британцев), так и проблемами с удержанием этих территорий силами индийских войск. Использование вместо этого с большим эффектом авиации, успешно подавлявшей мятежи малыми силами, способствовало появлению концепции «воздушного контроля», которая позволяла обойтись без индийских контингентов. Сыграли свою роль и амбиции местного колониального руководства: не получив требуемые сикхские части и будучи уверены в том, что туземные силы не уступают по уровню подготовки другим индийским контингентам, ряд местных элит отказался от индийского военного и полицейского присутствия. В 1937 г. Индия лишилась Бирмы, которая после подъема массового национально-освободительного движения была выделена в отдельную колонию.

Эти тенденции лежали в русле единого макроисторического процесса, в ходе которого в Европе и других частях света формировались государства-нации с линейными границами и специфическими представлениями о национальном и этническом единстве. Индийские интеллектуалы как правого, так и левого толка испытывали на себе влияние популярных в то время идей и сами были частью того интеллектуального поворота, в результате которого сформировалось представление о безальтернативности развития Индии в существовавших на тот момент границах. Раскол национально-освободительного движения на индусскую

и мусульманскую партии, формирование концепции двух наций и дальнейшее размежевание страны дополнительно сузили эти границы.

Таким образом, политические элиты, возглавившие Индию после получения независимости, воспринимали в качестве единственно возможного пути ее развития следование общемировому тренду, а не пытались создать альтернативную модель государства по образцу той, что существовала в XIX в., но уже с руководством из этнических индийцев. Это определило политику, которую Индия проводила вплоть до 1991 г., стремясь играть большую роль на мировой арене в качестве лидера группы государств, не желающих присоединяться ни к одному из блоков в холодной войне. Показательно, что все это время Британский Радж и предшествующий ему период Ост-Индской компании воспринимались как «время тьмы»: несмотря на то что объективно первое поколение индийских элит сформировалось в рамках постсубимперского дискурса, опыт и этого дискурса, и предшествовавшего субимперского периода ими отрицался. Наличие региональной подсистемы с центром в Индии, в которой находящиеся по берегам Индийского океана политии выступали бы в роли индийских государств-клиентов, не воспринималось как ценность, которую необходимо сохранить или возродить.

Негативному отношению к бывшим имперским активам в регионе способствовали и объективные причины. Во-первых, Индия не воспринималась ни ее руководством, ни элитами новых стран региона как сила, замещающая Британию: как в силу отмеченного выше антииндийского тренда местных элит, так и в силу того, что британцы не ушли из региона окончательно, сохранив тесные связи с бывшими колониями и военно-морские и воздушные базы в Сингапуре, на Мальдивах и в Малайе. Во-вторых, сам по себе процесс деколонизации в бывшем субимперском регионе сопровождался многочисленными эксцессами – убийствами, изгнанием, подавлением индийской диаспоры, в основном из-за той роли, которую эта диаспора играла в имперском проекте.

В поисках индоокеанской системы

Примерно в 1970-х гг. ситуация начала меняться. Издержки сохранения имперского наследия настолько превысили геополитические и экономические выгоды, что британское руководство решило окончательно вывести базы, до тех пор функционировавшие к востоку от Суэца. В Индийском океане возник вакуум силы. Индия, к тому моменту выигравшая Третью индо-пакистанскую войну 1971 г. и избавившаяся от единственного серьезного соперника в регионе, а также в целом завершившая создание промышленной базы, теоретически могла бы его заполнить, но не обладала для этого ни необходимыми инструментами (в первую очередь флотом), ни концептуальной базой. Если первая задача решалась при помощи постепенного строительства флота и развития военно-транспортной и военно-морской авиации, то вторая требовала инициативного участия представителей научного сообщества.

Роль, сыгранная в эти годы индийскими и сотрудничавшими с ними иностранными учеными, до сих пор не рассматривалась с позиции критической историографии. Меж тем в этот период массово публиковались работы, которые

заложили базу для позднейших индийских внешнеполитических концепций. Можно выделить два ключевых направления. Первое было представлено работами исследователей, сосредоточившихся на изучении системы торгово-экономических отношений, существовавших в регионе Южной Азии до 1757 г. Сформировался ряд школ (Алигархская и Кембриджская), представители которых тщательно анализировали практики Империи Великих Моголов¹ и дискутировали друг с другом. Результатом этих дискуссий стал постепенный отказ от изображения Империи как отсталого авторитарного государства, обреченного на поражение при столкновении с цивилизованными странами Запада, и формирование тезиса об альтернативной модерности, которая реализовывалась в рамках развития «пороховых империй» (Могольской, Персидской, Османской). Таким образом, тезис о том, что Индия шла по своему пути эволюции, который был прерван из-за появления европейских колонизаторов, был подкреплён документально.

Представители второго направления фокусировались в основном на изучении региона Индийского океана, причем главным образом на периоде «арабских морей», т.е. XVI–XVII веков. Их исследования продемонстрировали существование на заре португальского завоевания разветвленной сети торговых и культурных контактов. Принципиально важным моментом было участие в ней представителей торговых каст Индии, не обязательно мусульман. В своих работах индийские и зарубежные ученые нарисовали впечатляющую картину взаимосвязи мира Индийского океана с Западной Европой, показав, что этот мир не был изолирован от нее и, как следствие, не мог быть «открыт» ни в одном из пониманий этого термина: разведавшие маршрут вокруг Мыса Доброй Надежды португальцы, следовавшие за ними голландцы, датчане, французы и на первом этапе британцы вынуждены были довольствоваться уже упомянутой ранее ролью «империй слабых». Таким образом, вырисовывалась картина доколониального мира Индийского океана, в котором политии Индостана во всем их многообразии (империи, царства, автономные территории и города) играли роль не ресурсных центров, но активных акторов.

Разумеется, этими двумя направлениями исследование истории региона не исчерпывалось: публиковались и труды, где основной акцент делался на не- и доисламскую историю индийской морской экспансии², но на фоне общей массы работ их число оставалось сравнительно незначительным. При этом, как правило, в их написании участвовали офицеры ВМС Индии, в частности начальник Главного штаба ВМС адмирал С.Н. Кохли; тесная связь с флотскими кругами помогла этому направлению оформиться и просуществовать до момента смены парадигмы в 1989–1991 гг.

Велись также исследования периода правления Ост-Индской компании, но лидирующую роль в них играли британские ученые³. Они активно взаимодействовали с индийскими коллегами, но это не отражалось на мировоззрении политических элит Нью-Дели.

1 Pearson 1976; Prakash 1985; Alam 1986; Richards 1988; 1975; 1978; Barnett 1980.

2 Nambiar 1975; Kohli 1978; Sridharan 1982.

3 Bayly 1975; 1983; 1988.

В целом в тот период индийские элиты сохраняли представление об Индии как о государстве-нации, отвергая при этом колониальный опыт. Вместо него интеллектуальные элиты, еще не собранные в экспертное сообщество, предложили хорошо разработанную картину добританского мира в регионе Индийского океана, которая стала важным базисом для дальнейшего развития индийской стратегии и формирования так называемой доктрины Индиры, в соответствии с которой Индия должна была играть ключевую роль в регионе.

Возвращаясь к основам

В 1989–1991 гг. глобальные политические и экономические перемены привели к изменениям в миропонимании индийских элит. Позиционирование на мировой политической арене, основанное на балансировании между США и СССР и их союзниками и лидерстве в Движении неприсоединения, в условиях стремительного распада советского блока и последующего коллапса СССР потеряло смысл. Осознав, что мир вступает в эру новой глобализации, индийское руководство сделало выбор в пользу отмены жесткого экономического регулирования и привлечения частных иностранных инвестиций в новые отрасли, которые могли бы обеспечить быстрый рост ВВП.

Начавшиеся глобализационные процессы означали возвращение, по крайней мере частичное, к реалиям вековой давности: фритрейдерской политике, размыванию границ, массовым миграциям населения и свободному передвижению товаров и капитала. Логично было бы предположить, что эти изменения приведут, в свою очередь, к росту внимания к эпохе индоцентричного миропорядка в регионе, однако этого не произошло. Определенный всплеск интереса к теме оказался довольно ограниченным как по числу работ, так и в тематическом плане. Индийских и иностранных авторов интересовали прежде всего частные сюжеты в рамках более широкого индоокеанского имперского нарратива. Большая часть этих сюжетов имела явную постколониальную и антиколониальную направленность и была связана с исследованием субалтерных практик и явлений, таких как перевозка наемных рабочих и заключенных, нелегальная торговля, распространение модернистских течений в исламе и буддизме и т.п.

Вторым направлением исследований стало создание «полных историй» региона. В их рамках ученые формировали масштабные нарративы, которые охватывали весь исторический период от зарождения в регионе первых цивилизаций до прихода европейцев. Эти работы предметно смыкались с отмеченным в предыдущей главе маргинальным исследовательским течением, связанным с руководством ВМС, но значительно отличались от него манерой подачи текста: наряду с академическими трудами публиковалась масса книг научно-популярного характера, написанная сравнительно легким слогом и потому доступная для понимания широкого круга читателей.

Оба направления сыграли определенную роль в формировании индийского политического дискурса, причем второе – куда более важную. Если представители первого добавляли дополнительные факты и сюжеты к популярной в индийском дискурсе теме ответственности Британии за беды индийского народа и других народов региона в принципе, то представители второго помогали сформировать

историко-культурную и философскую базу, необходимую для концептуального оформления позднейших индийских претензий на доминирование в регионе. К середине первого десятилетия XXI в. темпы роста индийской экономики достигли почти 10%, и в таких условиях индийские политические и военные элиты почувствовали себя достаточно уверенно, чтобы заявить претензии на региональную гегемонию. Они нуждались в соответствующем концептуальном оформлении. Результатом интеллектуальных усилий индийского экспертного сообщества стали концепции «трех колец», Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), а также инициативы *SAGAR* и *MAUSAM*. Исторический базис для них создали работы индийских и зарубежных ученых. При этом процесс отторжения британского наследия продолжался, а тренд на изучение добританского периода усиливался.

Показательна в этом плане судьба концепции ИТР. Исторически в регионе в разные периоды существовали две принципиально различные модели торговых связей: добританская, в которой Индия играла роль посредника в торговле пряностями и предметами роскоши между Китаем и Юго-Восточной Азией с одной стороны и Европой с другой, и система времен правления Ост-Индской компании, построенная на экспорте опиума в Китай в обмен на серебро. Вторая модель в принципе не рассматривалась как альтернатива для построения культурно-исторической базы даже несмотря на то, что Индия как центр субимперии, производитель и экспортер играла в ней гораздо более важную роль. Возможные репутационные потери и нежелание считать колониальный период значимой частью своей истории оказались сильнее.

Этот тренд усилился после прихода к власти правоцентристской Бхаратия Джаната парти (*BJP*) под руководством Н. Моди и достиг максимума после победы партии на национальных выборах 2019 г. Внутренняя правая повестка Моди, в целом свойственное правым партиям стремление искать в истории опору для выстраивания нации приводят к тому, что новые политические элиты все активнее исключают из индийского национального мифа не только британский, но уже и исламский период, пытаясь найти ему альтернативу, например, в деятельности Шиваджи, адмирала маратхов, боровшегося против англичан. Эти поиски отражаются в политике правительства Моди: так, в новой редакции Стратегии морской безопасности 2015 г.¹ убраны все упоминания вице-короля Португальской Индии А. д'Албукерки как создателя стратегии контроля «точек входа» в Индийский океан, присутствовавшие в Стратегии 2007 года². В 2022 г. был изменен военно-морской флаг – оттуда убрали крест Св. Георгия, унаследованный от колониальных времен, заменив его печатью Шиваджи. Аналогичные процессы происходят и в армии: было объявлено о готовящемся лишении ряда полков наград и знаков отличия, полученных по итогам кампаний колониальных времен против индийских княжеств.

Таким образом, сейчас основой индийского регионального культурно-исторического дискурса является базирующаяся на научных работах индийских

1 "Ensuring Secure Seas: Indian Maritime Security Strategy," Indian Navy, 2015, accessed June 25, 2023, https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf.

2 "Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy," Indian Navy, 2007, accessed June 25, 2023, <http://aldeilis.net/mumbai/1686.pdf>.

и западных ученых концепция региона Индийского океана как единого пространства, существовавшего еще в доисламские времена, и эта картина становится важной частью национального мифа. При этом продолжаются исследования по всем упомянутым направлениям, но наблюдается явный крен в сторону изучения доисламского периода мира Индийского океана. Из недавних фундаментальных работ можно назвать двухтомник Ф. Божара¹ и монографию под редакцией А. Шоттенхаммер² – часть большой серии издательства «Палгрейв», посвященной миру Индийского океана, в которой к настоящему моменту вышло 25 томов.

Заключение

Нынешний индийский политический дискурс, основы которого были заложены еще при Неру, остается по сути столь же ригидным, как и полвека назад. В его центре находится представление об Индии как о великой державе, для которой границы региона Индийского океана слишком тесны: он может служить для Индии зоной безопасности, культурного и экономического влияния, но амбиции Нью-Дели им не ограничиваются. Все региональные инициативы, таким образом, играют вспомогательную роль, способствуя реализации главной цели внешней политики Индии: превращению ее в одного из глобальных мировых игроков.

Картина мира Индийского океана, нарисованная усилиями индийских политиков, экспертов и интеллектуалов в рамках нынешнего общественно-политического дискурса, напоминает реалии XIX в., опрокинутые в прошлое. Существовавшая до того момента региональная система характеризовалась признаками, слабо совместимыми как с современным государством-нацией (например, фактической автономией прибрежных городов, неприкосновенностью граждан неприятельских политий до тех пор, пока они ограничиваются торговой или религиозной деятельностью и т.п.), так и с нынешней экономической моделью (торговля преимущественно предметами роскоши, отсутствие контроля за денежными переводами). При этом сам образец – система региона Индийского океана, существовавшая в XIX в., – по-прежнему исключен из схемы «генерация научного знания – формирование новых концепций – их реализация в рамках внешней политики».

Индийское научное сообщество играет в процессе формирования этого дискурса специфическую роль. Можно было бы ожидать, что постепенное расширение научного знания будет способствовать трансформации дискурса; но вместо этого политические элиты и экспертное сообщество извлекают из всего массива знаний то, что подходит для концептуального оформления тактических и стратегических внешнеполитических решений, игнорируя остальное. При этом индийские историки за прошедшие десятилетия стали важной частью тройственного механизма «научное сообщество – экспертное сообщество – политические элиты», необходимого для формулирования и реализации идеологием внешней политики Индии.

1 Beaujard 2019.

2 Schottenhammer 2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Мировоззрение Джавахарлала Неру / под ред. Б.Г. Гафурова, А.Д. Литмана. М.: Наука, 1973. 212 с. Gafurov, Bobodzhan G., and Aleksei D. Litman, eds. *Mirovozzrenie Dzhavahkharlala Neru*, Moscow: Nauka, 1973 [In Russian].
- Alam, Muzaffar. *The Crisis of Empire in Mughal North India*. Delhi: Oxford University Press, 1986.
- Barnett, Richard. *North India Between Empires: Awadh, the Mughals, and the British 1720–1801*. Berkeley: University of California Press, 1980.
- Baru, Sanjaya. *India's Power Elite: Class, Caste and a Cultural Revolution*. Gurgaon: Penguin Random House India, 2021.
- Basham, Arthur L. *The Wonder That Was India*. London: Sidgwick & Jackson, 1954.
- Bayly, Christopher A. *The Local Roots of Indian Politics: Allahabad, 1880–1920*. Oxford: Clarendon Press, 1975.
- Bayly, Christopher A. *Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Bayly, Christopher A. *Indian Society and the Making of the British Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Beaujard, Philip. *The Worlds of the Indian Ocean: A Global History* (2 vols.) Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Damodaran, Harish. *India's New Capitalists: Caste, Business, and Industry in a Modern Nation*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008.
- Das, Manmath N. *The Political Philosophy of Jawaharlal Nehru*. London: George Allen and Unwin, 1961.
- Duara, Prasenjit. *Rescuing History from the Nation: Questioning Narratives of Modern China*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Joseph, Josy. *A Feast of Vultures: The Hidden Business of Democracy in India*. Noida: HarperCollins Publishers India, 2016.
- Joseph, Josy. *The Silent Coup: A History of India's Deep State*. Chennai: Westland Publications: 2021.
- Kidwai, Rasheed. *24 Akbar Road: A Short Story of the People behind the Fall and Rise of the Congress*. Gurgaon: Hachette India: 2011.
- Kohli, Sourendra N. *Sea Power and the Indian Ocean: with Special Reference to India*. New Delhi: Tata-McGraw Hill, 1978.
- Krasa, Miloslav, ed. *Jawaharlal Nehru and the Foreign Policy of India*. Prague: Oriental Institute of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1990.
- Metcalf, Thomas. *Imperial Connections: India in the Indian Ocean Arena, 1860–1920*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2007.
- Moro, Javier. *The Red Sari: A Dramatized Biography of Sonia Gandhi*. New Delhi: Roli Books, 2015.
- Mukherjee, Anit. *The Absent Dialogue: Politicians, Bureaucrats, and the Military in India*. New York: Oxford University Press, 2020.
- Nambiar, Odayamadath K. *Our Seafaring in the Indian Ocean*. Bangalore: Jeevan, 1975.
- Onley, James. "Britain's Informal Empire in the Gulf, 1820–1971." *Journal of Social Affairs* 22, no. 87 (2005): 29–45.
- Onley, James. *The Arabian Frontier of the British Raj: Merchants, Rulers, and the British in the Nineteenth-Century Gulf*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Onley, James. "The Raj Reconsidered: British India's Informal Empire and Spheres of Influence in Asia and Africa." *Asian Affairs* 40, no. 1 (2009): 44–62. <https://doi.org/10.1080/03068370802658666>.
- Panikkar, Kavalam M. *Asia and Western Dominance: A Survey of the Vasco Da Gama Epoch of Asian History, 1498–1945*. New York: The John Day Company, 1954.
- Pearson, Michael N. Shivaji and the Decline of the Mughal Empire. *The Journal of Asian Studies* 35, no. 2 (February 1976): 221–235. <https://doi.org/10.2307/2053980>.
- Phillips, Andrew, and Jason C. Sharman. *International Order in Diversity: War, Trade and Rule in the Indian Ocean*. Cambridge University Press, 2015. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316027011>.
- Prakash, Om. *The Dutch East India Company and the Economy of Bengal, 1630–1720*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.
- Range, Willard. *Jawaharlal Nehru's World View: A Theory of International Relations*. Athens: University of Georgia Press, 1961.
- Richards, John F. *Mughal Administration in Golconda*. Oxford: Oxford University Press, 1975.
- Richards, John F., ed. *Kingship and Authority in South Asia*. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1978.
- Richards, John F., ed. *The Imperial Monetary System of Mughal India*. Delhi.: Oxford University Press, 1988.
- Schottenhammer, Angela, ed. *Early Global Interconnectivity across the Indian Ocean World*. 2 vols. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.
- Schöttli, Jivanta. *Vision and Strategy in Indian Politics: Jawaharlal Nehru's Policy Choices and the Designing of Political Institutions*. London; New York: Routledge, 2012.
- Sen, Tansen. *India, China, and the World: A Connected History*. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield, 2017.
- Sharman, Jason C. *Empires of the Weak: The Real Story of European Expansion and the Creation of the New World Order*. Princeton: Princeton University Press, 2020.
- Sridharan, K. *A Maritime History of India*. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, 1982.

Сведения об авторе

Алексей Владимирович Куприянов,

к.и.н., руководитель Центра Индоокеанского региона, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 марта 2022.

Переработана: 22 апреля 2022.

Принята к публикации: 29 мая 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Куприянов, А.В. Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии // Международная аналитика. 2023. Том 14 (2). С. 35–48.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-35-48>

Postcolonial History in the Service of Anticolonial Politics: Critical Historiography and National Myth in Contemporary India

ABSTRACT

The article examines the relationship between the shaping of Indian foreign policy discourse, macro-historical processes that influence the formation of Indian political elites, and the development of historical knowledge about the Indian Ocean region. Its purpose is to ascertain the factors that influenced the specific perception of India's place in the region by Indian elites and how this perception evolved within the framework of foreign policy discourse. Additionally, the role of historians who have studied the past of the Indian Ocean is explored. The author concludes that the changes in global political discourse following the First World War played a crucial role in shaping the ideas of India's position in the world among the elites. These elites adopted the stance that the nation-state, with its own industrial base, was the only viable option. From the early stages of independent India, its political elites, influenced by British or Anglicized upbringing and education, rejected the notion of continuity between the new Indian state and the British Raj and the possessions of the East India Company. Instead, they attempted to establish historical continuity with pre-British Indian polities. Indian and foreign historians supported them in this endeavor. The author demonstrates how India's political elites utilized the findings of scholars to serve their own purposes, selectively adopting suitable historical narratives while discarding others. This process gradually drew the community of historians into the production of discourse. During the leadership of Jawaharlal Nehru and Indira Gandhi, the Mughal Empire received the most attention as the last pre-British Indian polity. However, with the Bharatiya Janata Party coming into power, research on Hindu polities and personalities is now encouraged.

KEYWORDS

India, history, political elites, Aligarh school, postcolonialism

Author

Alexey V. Kupriyanov,

PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Head of Centre for the Indo-Pacific Region, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Additional information

Received: March 17, 2022. Revised: April 22, 2022. Accepted: May 29, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

*Kupriyanov, Alexey V. "Postcolonial History in the Service of Anticolonial Politics: Critical Historiography and National Myth in Contemporary India." Journal of International Analytics 14, no. 2 (2023): 35–48.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-35-48>*